

К. Е. Скурат,
профессор МДА, д-р Церковной истории
С 1947 ГОДА...
(ВОСПОМИНАНИЯ)

Начинаю с 1947 года потому, что этот год был одним из самых важных в моей жизни — год поступления в Минскую Духовную Семинарию. А начал писать свои воспоминания только потому, что ранней весной 1998 года (25 марта), встретив меня в коридоре после совершения акафиста Божией Матери в Академическом храме, Ректор Московских духовных школ Епископ Верейский Евгений (Решетников) остановился и после небольшой паузы сказал: «Вам есть послушание». Увидев мое смущение и поняв, что в 69 лет новые послушания принимаются с некоторым опасением, Владыка продолжил: «Написать воспоминания... У нас есть воспоминания выпускников прежних Духовных Академий (имеются в виду до 1917 г. — К.С.), а нынешних нет...». Эти слова Преосвященного Ректора и понудили меня взяться за перо. Иначе, видимо, я и не собрался бы. В учебное время все мои силы уходят на дела академические, в летнее к ним добавляются и дела домашние: работа в огороде, ремонт падающего забора, перекосившихся ворот; о состоянии приходящего в ветхость самого дома и говорить не приходится... А сейчас лежит на столе объемом в 690 страниц компьютерного текста «Словник» Церковно-Научного Центра «Православная Энциклопедия». (И это только от буквы «А до «Н»!). Над ним надо работать и работать. Руки же одни и те же: они и пишут новые лекции по Патрологии, они же покрываются мозолями и потом от необходимых хозяйственных

работ. Трудности увеличиваются еще тем, что у меня нет записей о прошлом: в свое время вести их, хотя и невинные, было не безопасно, а потом уже и привыкли не замечать происходящее и не отражать его на бумаге.

Хотелось бы в своих воспоминаниях меньше всего говорить о себе, но поступить так будет довольно сложно, потому что воспоминания — это мной когда-то увиденное, услышанное, пережитое, это частичка моей жизни...

Господи, помоги мне вспомнить и сказать правду, и только правду! Если же сказать ее нельзя и сегодня, то не допусти меня даже до малейшей лжи или лести, или до такой правды, которая не принесет пользы.

Сегодня по новому стилю 14 июня 1998 года — день Всех Святых. Я сходил в храм Божий, помолился, попросил благословение на свои труды и на исполнение послушания.

I. МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

О Минской Духовной Семинарии я могу говорить только тепло. Думаю, что православный читатель поймет меня в этом: обучение в Семинарии было для меня, как и для моих коллег, временем духовного становления, определением направления жизненного пути, утверждения в церковности. Именно здесь мы до конца поняли смысл, цель человеческого призвания и всего бытия. Именно она — Родная, Дорогая — с любовью раскрыла перед нами Небесные Сокровища, которые никто и ничто не может уничтожить — они Вечны... К тому же годы моего обучения в Семинарии (1947—1951) стояли в непосредственной близости к концу Второй мировой войны. В Семинарию пришли люди, все до единого опаленные огнем битв, испытаний, страданий. Среди нас имелись и бывшие фронтовики, и партизаны, и много потрудившихся в тылу для Победы... Какие это были люди!.. Немало их уже ушло в мир иной. Господи! Прими их в Свои Небесные обители, а оставшимся в земном пути умножь благие лета!

1. Поступление в Семинарию

В 1947 году произошла реорганизация Пастырских двухгодичных курсов, действовавших в Жировицах, в Семинарию. Поэтому благочинным Минской епархии было дано указание правящим Епископом объявить в храмах о предстоящем наборе воспитанников. Как только эта весть дошла до меня, я весь загорелся желанием во что бы то ни стало поступить в Семинарию — и начал усиленно готовиться. Помогал мне в этом (сегодня я с большой благодарностью вспоминаю его) священник соседнего прихода дер. Тумиловичи Михаил Уляхин (ныне митрофорный протоиерей, служит под С.-Петербургом). Я приходил в храм, читал, пел, прислуживал. Затем батюшка приглашал меня в свой дом, угощал чайком и давал мне очередное задание, которое я в течение недели не только старался выполнить, но и сделать значительно больше. Вообще же, с детства я привык работать сам, без руководителя: учить в сельской местности некому и потому привыкаешь сам давать себе задания и выполнять их. Тяготение же к учению у меня всегда было большое, даже очень большое (оно не прошло и сейчас). Невольно я вспомнил сейчас военный 1942 год. Первого сентября этого года я пошел в школу, чтобы продолжить обучение. Прихожу, двери все открыты, никого нет. Обошел все классы — ни души. Сел за стол и жду. Слышу шаги, открывается дверь — и на пороге появляется старушка с ключами в руке. «Ты зачем пришел, сынок? Учиться?» — спросила она. «Да», — ответил я. «Занятий не будет, я пришла запереть дверь». Тут я все понял. Собрал свой небогатый школьный скарб, заплакал и ушел. Растроганная старушка пыталась было меня успокоить, но от этого я еще сильнее заплакал... И, тем не менее, я продолжал работать самостоятельно. — Осенью 1943 года, когда оккупационные власти сожгли наше село, из пожара я вынес и взял с собой только книги. (Какая же была досада потерять потом их — кто-то взял и «зачитал»).

Желание учиться и привычка работать самостоятельно очень и очень пригодились мне при подготовке для поступления в Духовную Семинарию. Работая в поле, я распевал гласы, учил тропари, историю двенадцатых праздников, Священную Историю. Молитвы мне не надо было учить, т.к. я их знал. ибо рос в православной семье. А церковнославянский язык тем более, ибо я часто читал в храме часы, Апостол, молитвы перед святым Причащением и после. И к месяцу августу подготовка была завершена. Отец Михаил направил меня со своей рекомендацией к Докшицкому протоиерею, в ведении которого находилось и мое родное село Комайск. Я ходил в храм и в Докшицы (там тоже читал, пел, прислуживал), но в летнее время 1947 года бывал там реже, чем в Тумиловичах, т.к. в Докшицах прот. Николай Плецинский (очень хороший батюшка, построил каменную церковь — красу Докшиц) был уже старенький и заниматься со мной не мог, к тому же от Комайска до Докшиц расстояние в восемь километров, а до Тумилович — не более шести. Отец Николай встретил меня очень радушно (я к нему и потом ходил, когда он, совсем состарившись, был на покое), но сказал, что надо еще съездить в Порплици (от Докшиц еще километров десять) к благочинному прот. Михаилу Кузьменко — необходимы его слово и печать. Так я познакомился с отцом Михаилом. На меня он произвел впечатление неотразимое: молодой, красивый, высокий, с прекрасным голосом, общительный, доступный, умный. Тогда я подумал: побольше бы таких пастырей для Русской Православной Церкви. Но на него обратили внимание и «другие» — вскоре ему дали десять лет, обвинив его, как потом стало известно, в «покушении на жизнь Сталина», которого он не видел и не мог видеть ни живого, ни «мавзолейного». Отец Михаил отнесся ко мне очень внимательно — расспросил о моей жизни, родных, знакомых, о моих интересах и знаниях. И дал «добро». Со мной вместе был и другой абитуриент из Порплиц — Иосиф Гапаненко (потом протоиерей в России, скончался). С ним отец Михаил беседовал мало, т.к. хорошо его знал.

В конце августа, «вооружившись» знаниями и документами, я в один из вечеров приехал к Гапаненку Иосифу, чтобы ночным поездом двинуться в Жировицы. На станции Порплици к нам присоединился еще Иван Каминский (ныне митрофорный протоиерей, благочинный в Белоруссии), и мы втроем поехали навстречу неизвестному будущему. — Как здесь не отметить, что в моей жизни это была первая поездка в поезде и первая — дальняя. В поезд я, действительно, садился с каким-то страхом. Страх этот увеличивался еще от того, что посадка была ночью, в полутьме, на медленно идущий поезд — Порплици были не станцией, а полустанком, где поезд только притормаживал, но не останавливался. Надо было вскочить на ступеньки во время хода. А ведь в руках еще чемодан! Помню мы «вскакивали» на разные ступеньки — иначе не догонишь. Собрались в одном вагоне — и я успокоился. Для моих сотоварищей волнений не было — для них, живших рядом с полустанком, ничего в посадке необычного не было. Забегая вперед, отмечу, что и потом ездили мы в Семинарию втроем — и в дороге испытали многое: мерзли в тамбуре, теснились на буферах, висели на подножках вагонов, одной рукой ухватившись за ручку возле подножек, а другой удерживая чемодан. Особенно страшно было путешествовать на подножках. Опасность состояла в том, что в ночное время однообразный стук колес поезда действует усыпляюще, и достаточно немного ослабить руку, как тут же можешь упасть под откос. Но Господь давал силы и бодрость. А приходилось так путешествовать потому, что не было свободных мест — без билета ведь не пустят в вагон. Надо было еще умудриться повиснуть на подножке в самую последнюю минуту — на ходу поезда, иначе дежурные по вокзалу стащат, да еще оштрафуют. Вот только на крыше не ездили!

О том, как нас встретила Семинария, не помню. Но помню сам экзамен... Заходили в какую-то большую аудиторию, где за столами сидело несколько человек. Здесь спрашивали все — и чтение, и молитвы, и пение. Никаких

других встреч как будто не было, но спрашивали долго, тщательно. Меня попросили прочитать на память тропари двенадцатых праздников, рассказать историю праздника Рождества Пресвятой Богородицы и спеть гамму. Историю праздника я рассказывал долго, подробно. Меня никто не перебивал, не исправлял.

Письменная работа — изложение — выполнялась отдельно.

Сдавать экзамены приехало много — около двухсот человек. Абитуриентам известно было, что примут не более сорока человек. Но вот удивительно, не наблюдалось никакого соперничества. Более того, помогали друг другу, советовали один другому, вместе повторяли материалы, друг друга экзаменовали. Я никогда не забуду ту помощь, какую оказал мне Николай Николаевич Ричко, впоследствии мой однокурсник по Московской Духовной Академии и мой сослуживец. Сегодняшние преподаватели хорошо его помнят как талантливейшего и справедливейшего доцента. Промысл Божий так устроил, что во время изложения — письменного экзамена — я оказался рядом с ним. Быстро написав свое изложение, он стал смотреть на мои «борения», улыбнулся, а затем взял мой лист и тут же исправил несколько ошибок и заменил некоторые слова. Я послушно все исправил и аккуратно переписал... Вечная память тебе, дорогой друг! Не окажись тебя рядом — неизвестно, как могла сложиться моя судьба... Господь так устроил, что Семинария направила в Московскую Духовную Академию только нас двоих, всех прочих — человек пять — в Ленинградскую (ныне Петербургская). А ведь и мы оба написали прошения для поступления в Ленинград. Но архиепископ Минский Питирим (Свиридов) велел нам обоим переписать прошения, обосновав свою волю так: «Окончивших первых двух по разрядному списку я направляю только в Москву. Остальные пусть едут в Ленинград» (см.: «ЖМП», 1951, № 8). Поначалу мы были огорчены решением архиепископа, но потом увидели и убедились, что и здесь проявилась к нам великая милость Божия.

Вступительные экзамены в Семинарию прошли настолько успешно, что Ректор архимандрит Митрофан (Гутовский) (впоследствии епископ, скончался), человек весьма энергичный, глубоко преданный делу Церкви, смог добиться получения разрешения у местной светской власти на увеличение приема в два раза. Вместо одного класса было организовано два параллельных — в первые классы приняли 67 воспитанников, а всего приняли 110 (см.: «ЖМП», 1947, № 7. С. 52). Кажется, это было всего один раз за все время существования Минской Семинарии до ее закрытия (в 1963 г.) и после восстановления (в 1989 г.).

В числе поступивших в Семинарию я был самым молодым, ибо первого сентября (день моего рождения по паспорту; в самом деле родился я 29 августа, а 1 сентября меня крестили) мне исполнилось ровно восемнадцать лет — возраст, строго определяемый тогдашними требованиями.

2. Быт воспитанников

Условия нашей жизни были довольно суровые — послевоенные. Недостаток в жилье, одежде и пище распространялся и на нас.

Вновь поступивших поселили в огромной крипте бывшего костела. Нам говорили, что там когда-то ставили покойников, так как заморозки раньше не знали. Естественно, что помещение не отапливалось, от сырости пахло мертвецкой и выглядело траурно. Посредине поставили «буржуйку», а железную дымоходную трубу от нее вывели в дверь, т.к. пробить стену, вероятно, не разрешили, да и пробить толщину ее не просто. Труба эта доставляла нам немало хлопот: на стыке теплого с холодным воздухом всегда падали какие-то черные капли. Стык этот был в дверях, и каждый раз, проходя через дверь, надо было помнить — иначе можно было уподобиться зебре. Возле печки было жарко, а по стенам стоял вековой холод. Но никто не сетовал, не стонал, не роптал. Наоборот, эти неудобства воспринимались легко, с шуткой.

Когда я уже был в третьем классе, меня поселили внизу в двухэтажном корпусе. Народу там было немного.

Но опять-таки были свои неудобства: за прихожей постоянно варили картошку для монастырского скота, и из этой «варильни» постоянно пар наполнял прихожую. Нам приходилось, согнувшись, буквально пробегать ее, чтобы скорее войти в спальню, плотно закрыв за собой дверь. Но запах проникал и к нам. Тем не менее, мы были счастливы: здесь можно было позаниматься и лучше отдохнуть.

Одежда у всех была своя, но никто не допускал каких-либо вольностей. Я года два или три проходил в суконном «френче», который мне сшил из самотканного сукна мой родной брат Феодор († 1993).

Питание было довольно скудное: кормили три раза в день, за обедом, кажется, давали только суп. Кто мог — добавлял свои продукты. Я привозил из дому только сухари из ржаного хлеба, опускал их в суп и с удовольствием вылавливал. Правда, иногда сухари были слишком крупные, и мне они доставляли немало хлопот: глодаешь его как кость, пыгаешься откусить, а он не убавляется. Так достаешь его из супа, завернешь в бумажку до следующего раза. Хлеб первое время выдавали порциями сразу на несколько дней. Некоторые ухитрялись съесть всю порцию сразу. Нашелся даже такой спорщик, который заявил, что он сможет съесть в один присест свою порцию и порцию того, кто с ним вступит в спор. Кто-то согласился на эти условия. В окружении смеющихся одноклассников он серьезно начал свой «подвиг». Свою порцию он съел быстро, но вторую стал есть все медленнее и медленнее. Добравшись до половины, достал к хлебу сливочного масла. Это его и погубило: съел кусочка два - три и остановился... Смеха было много... По договору проигравший должен был отдать выигравшему свои следующие две порции, но выигравший отказался от них.

Замечу, что хотя питание было и ограниченным, но всегда свежим, а, главное, приготовленным с молитвой и потому здоровым, полезным, вкусным. Никто не болел и не страдал от голода. А хлеб был настолько ароматным, что, кажется, запах его я чувствую и сегодня.

Стипендии не было — и никому даже не приходило мысли о том, что нам еще должны платить за учебу. Наоборот, ежегодно государство требовало от нас «добровольно» подписаться на заем. Он был небольшой, но для нас, по крайней мере, для меня, это была проблема. Сам заработать я не мог, а брат выдавал мне деньги только на дорогу, да и ему неоткуда было взять. Проще было привезти «с каникул» килограмма два сливочного масла, но не денег.

3. Самостоятельные занятия

Ежедневно у нас было шесть уроков по разным предметам — каждому предмету отводилось в день лишь сорок пять минут. Задавали материала много, хотя некоторые преподаватели излагали его медленно, чтобы мы могли успеть записать — ведь учебников было мало или вовсе не было. Некоторые учебники мы в вечернее время переписывали. Я, например, слово в слово переписал Катихизис святителя Филарета. К сожалению, рукопись утеряна, но до сих пор хорошо помню ее странички: альбом, желтоватые листы, фиолетовые чернила, убористый почерк (ради экономии бумаги), выделенные жирным шрифтом заголовки, подчеркнутые более важные слова и т.д.

К шести урокам подготовиться хорошо нелегко — нужно много трудиться. И мы, действительно, трудились и трудились. Получалось так, что объявлен был режим дня, и это объявление стало для нас обязательным законом. Никто нас не понукал и тем более не принуждал исполнять его, а мы исполняли его свято — нам хотелось его исполнять, мы чувствовали важность его для учебного времени и, естественно, для будущего нашего служения. Если наблюдались отступления от режима, то только в одном — мы искали возможность остаться в классе после отбоя (после 23 часов) и еще хотя бы часик поработать. Причем, занятия проходили в идеальной тишине. Никто не только не разговаривал, но и не перешептывался. Если что-то нужно было выяснить или спросить — писали на листочке и на нем же получали ответ. Для более серьезного разговора

выходили в коридор, да и там не повышали голоса. И все это складывалось как будто бы само собой! Никто никакого насилия не применял! Никаких окриков, угроз, назойливой, а, тем более, лицемерной морали!

А какие условия были для такого труда? Современный — сегодняшний — студент, вероятно, думает, что на столах стояли лампы, с потолков свешивались люстры. Было все иначе — сами воспитанники готовили дома «коптилки», привозили их в Семинарию, заливали керосином и зажигали. Но света они дают мало, а заниматься возле них приходилось долго — и мы вынуждены были заняться усовершенствованием их. Один из моих одноклассников ухитрился сделать коптилку из гильзы трофейного снаряда — гильза была сплюснута и в нее вставлен широченный фитиль. Коптилка эта уподоблялась факелу и собирала вокруг себя целую группу ищущих знаний. Я не в состоянии был так изощриться, но тоже усовершенствовал свой светильник — достал немецкую гранату с длинной деревянной ручкой, ручку отбросил, тол удалил, а в самом железном корпусе сделал четыре дырки, в которые вставил четыре трубочки, а в них втянул фитили. Свет увеличился в четыре раза! Хотя мы и следили за тем, чтобы фитили не коптели, но к концу вечерних занятий воздух в классах становился тяжелым. Только к началу 1950/51 учебного года Семинария смогла приобрести себе «движок», который должен был обеспечить нас электрическим светом. Но он то работал, то стоял, и потому коптилки сопутствовали нашей учебной жизни до окончания Семинарии. Они всегда были под рукой вместе со спичками.

4. Отдых

Понятие для нас весьма условное, потому что его практически не было: у нас даже сложилась присказка — «мы отдыхаем, работая». Так оно и было. Предлагавшийся нам материал был не просто интересный (слушая который, забываешь все), но благодатный, насущный, т.е. самый необходимый для наших душ. Разве не грешно молодому

человеку, готовящемуся стать пастырем Святой Церкви, помышлять об усталости, читая слово Божие, к нему обращенное со спасительной любовью, или изучая Нравственное богословие, Историю Родной Церкви, подвиги и наставления Преподобных Старцев?!.. Когда я слышу, что священник ушел в отпуск, то мне всегда хочется спросить: в отпуск от чего?.. Хорошо, если есть, кому его заменить, но и в этом случае священник не может быть без совершения Божественной Литургии!.. Мое детство и юность прошли в обстановке, окруженной храмами. Хотя они были и достаточно удалены от нашего села (шесть, восемь, двенадцать, двадцать километров...), но я везде бывал и знал их служителей. Это были истинные служители Божии, завершившие свой земной путь мученичеством или исповедничеством. На каждом приходе был только один священник — понятий об отпусках у них, разумеется, не было...

Но у нас, семинаристов, некие понятия об отдыхе были: за монастырской оградой на лугу мы иногда играли в волейбол, охотно гоняли мяч, ходили смотреть кино в Сельскохозяйственный техникум, который занимал прежние монастырские корпуса (теперь они возвращены Семинарии и Духовной Академии). Туда же ходили на белорусский хор народного артиста Ширмы (бывший соборный регент) и трагедию Шиллера «Коварство и любовь». Вероятно, запомнилось это потому, что в нашей жизни было чем-то незаурядным. Еще один из моих одноклассников (по фамилии Матяс — имя забыл) хорошо играл на мандолине. Мы любили слушать его.

5. День Жировицкой иконы Божией Матери

20 мая по новому — 7-го по старому стилю — Святая Церковь вспоминает чудесное явление Жировицкой иконы Божией Матери (1470 г.). В Свято-Успенском Жировицком монастыре, соответственно и в Семинарии, этот день отмечался особенно торжественно. Я пишу «соответственно и в Семинарии», потому что богослужebная жизнь Семинарии и монастыря составляла единое целое. Сама Семина-

рия располагалась в монастырских зданиях, один из классов находился в длинном коридоре собора, а в верхнем этаже собора — одна из самых больших спален. Храма своего Семинария не имела и поэтому все богослужения, в том числе и чреда десятков, совершались в теплое время в соборе, а в холодное — в примыкающей к собору Никольской церкви (она тоже довольно просторная). Монахов было немного, поэтому вся радость совершения молитвы доставалась нам. Даже начальство монастыря и Семинарии объединялось в одном лице Ректора, который был одновременно и Наместником монастыря.

Дня празднования явления иконы Божией Матери мы ожидали как благодатного луча в нашей трудовой жизни, к нему готовились. Заранее всем определялись послушания — кто должен был петь в хоре, кто читать, принимать записки, следить за порядком, вовремя ударить в «било»... В отношении «била» надо заметить следующее: электричества в Семинарии не было, поэтому не было и привычных для сегодняшних учащихся звонков. Вместо звонка в монастырском дворе был подвешен на дереве большой кусок рельса, а возле него лежала железка. Дежурный подходил и несколько раз железякой ударял в «било» — раздавался громкий и резкий звук. Богомольцы от неожиданности пугались, и потому в торжественные дни «било» со временем отменили. Мы этой отмене тоже радовались, т.к. раньше всех находящихся рядом паломников надо было громко предупреждать, что сейчас произойдет и для чего.

На праздник приезжал архиепископ Питирим, съезжалось множество духовенства и тьма тем православной паствы со всех уголков тогда величайшей страны. Особенно впечатляющим было совершение акафиста Божией Матери под открытым небом возле Явленского храма. Ярко светящее солнце, сверкающие в его лучах митры, облачения духовенства, море голов, покрытых белыми и разноцветными платками, нарядность одежд — все сохранилось в памяти, как на фотографии.

Мы любили этот день еще и потому, что он приносил нам встречи со «старыми» друзьями и знакомства с новыми. В наших сердцах жила вера, что в такой день Божия Матерь пошлет нам только хороших людей — и вера наша оправдывалась: немало выпускников Семинарии встретило в этот день добрых подруг жизненного пути.

6. Преподаватели

Не берусь говорить обо всех преподавателях, а скажу лишь о тех, которые глубоко вошли в мое сердце или оказали огромное, я бы сказал, неизмеримое влияние на всю духовную жизнь Семинарии, на весь ее строй, уклад, направление — на всех нас.

На первое место выдвигается протоиерей Иоанн Рей, инспектор Семинарии, преподаватель русского языка (что еще преподавал — не помню). К своему стыду, я не знаю ни рода его, ни племени — откуда он, была ли у него семья (лишь летом он куда-то уезжал к родным) или он был целибат? Кажется, он закончил Православный богословский факультет Варшавского университета, как и ряд других преподавателей того времени. Но это не важно. Важно другое — отец Иоанн был Святым Православным Батюшкой — Отцом Великой Семьи в собственном смысле этого слова (все пишу с большой буквы).

Первым делом отец Иоанн изгнал из своего кабинета всех «любимчиков» и «стукачей»... Нам нельзя отрываться от действительности и говорить, что в нашей среде сплошная гладь. Бывает и у нас, слава Богу — редко, возле имущих церковную власть появляются ловкачи, которые умело обхаживают своего владыку, постепенно входят в его доверие и проводят то, что им выгодно. Попытались появиться такие и возле отца Иоанна, но потерпели полное поражение. Одного подобного «деятеля», явившегося к нему с «доверенным донесением», отец Иоанн внимательно выслушал и затем спокойным голосом сказал: «Выйдите из моего кабинета, закройте за собой дверь и да не будет больше здесь вашей ноги. Христианин призван к любви,

а любовь — это постоянная жертвенность...» (может быть, я и не дословно цитирую, но смысла не искажаю). Доносчик был ошеломлен. Еще более его поразило то, что отец Иоанн не изменил к нему, как и ко всем, своего доброго отношения. Этим способом он довел пытавшегося стать любимчиком до полного осознания своей вины — человек изменился и сам покаялся перед своими коллегами... Так же закончилась и очередная попытка другого льстеца... И все доносы, подслушивания, перетолковывания, домыслы прекратились. В семинарской среде установилось подлинно христианское доверие, мир, взаимопомощь...

Каждый день отец Иоанн приходил в столовую во время обеда. Ходил вдоль столов, тихонечко что-то говорил кому-то, если замечал за ним неладное; говорил настолько тихо, что даже соседу трудно было услышать (положим, кто «хлебает», стучит ложкой...). Такой способ наставления действовал неотразимо — он не обижал, не принижал человека, а восстанавливал его, поднимал. Особенно памятными остались приходы его в столовую перед разездом воспитанников на каникулы и в первый же день после их возвращения. Отец Иоанн, подождав, пока молодежь подкрепит свои силы, начинал громко говорить. Какие это были речи! Я не могу дословно их передать сейчас, потому что записей — увы! — никаких нет. Провожая, он говорил примерно так: — Дети мои, через несколько минут вы переступите порог нашего монастыря и снова окажетесь в миру. Но где бы вы ни оказались, не забывайте о своем святом призвании. Помните, что вы воспитанники духовной школы, что завтра вы станете у Престола Божия и будете приносить Евхаристическую Жертву. Ваши руки будут причащать истинным Телом и истинной Кровью Христа Спасителя тех, кого вы поведете в Жизнь Вечную. Будьте верны, благоразумны, просты. Обнимите своих родных, скажите им доброе слово, укрепите в них веру и любовь. И Ангел Хранитель да сопутствует вам и вернет вас в нашу школу здоровыми и духовно и телесно... А встречая вернувшихся с каникул, отец Иоанн выражал радость их воз-

вращению и призывал благословение Божие на предстоящие труды в продолжение учебы. Как правило, свою речь он завершал напоминанием, что если у кого возникли какие-либо вопросы, проблемы, трудности, да и радости — дверь его кабинета всегда открыта... Так оно и было — и войти в эту дверь мог кто угодно и когда угодно.

Не менее учили нас доброте, смирению и участию в жизни других — частые обходы отцом Иоанном наших спален. Бывало, только мы уснем, а иногда и глубокой ночью, открывается тихонько дверь и на пороге в носках (ботинки он снимал за дверью) появлялся наш дорогой Батюшка. Как привидение неслышно он проходил между длинными рядами кроватей. Для чего? Проверить, кто отсутствует? — Нет, не допускайте даже мысли такой. Отец Иоанн, как милосердный самарянин, пришел позаботиться о нас и ночью: идет между рядами и видит, у кого-то съехало одеяло — он подымает и осторожно накрывает спящего, дальше видит разбросанные ботинки — собирает и ставит под кровать. Но труднее всего было отцу Иоанну с теми, кто во сне поворачивался на левый бок и начинал храпеть. Отец Инспектор подходил к нему, подкладывал под него свои руки и начинал медленно переворачивать его на правый бок. Делал он это настолько осторожно, что спавший, бывало, и не замечал заботы.

Батюшка всех нас знал не только по фамилиям, но и вникал во все наши потребности. Не помню, чтобы он применял какие-то суровые наказания, гнал бы из Семинарии или снижал баллы по поведению. Да прибегать к этому и не было нужды. При нем мы боялись не нарушить семинарскую дисциплину, а обидеть доброго Старца, не оправдать его веры в нас, его любви к нам, жертвенности. Потому не было ни проказ, ни безнадежно отстающих!

Если кто провинился в чем-либо, отец Иоанн сам подходил к нему, уводил к себе и долго с ним беседовал. Уходили от него после таких бесед иными, чем пришли к нему — люди как будто заново рождались в мир...

Вот так достигалось строение крепкой студенческой семьи — завтрашних служителей Любви — не дисциплиной, хотя бы и умеренно-нужной, не лекциями, хотя бы и учеными (я уже отмечал, что не помню, какие предметы читал нам отец Иоанн), а подлинно христианской любовью, участием, пониманием. Да, чрез него мы становились учениками Христа Спасителя, сынами Церкви и Отечества...

А говорят: «Один в поле не воин». Не верю этому. Отец Иоанн, можно сказать, был один, а завоевал сердца всех воинов...

Осенью 1949 года мы вернулись с летних каникул в Семинарию и здесь услышали печальнейшую весть: отец Иоанн скончался. Все без какой-либо команды собрались в храм; в руках зажглись свечи; началась панихида, а вместе с ней отдельные всхлипывания, которые очень скоро превратились в общий плач, почти в рыдание... Картина неопишущая и неповторимая. Ничего подобного я не видел ни до 1949 года, ни после него...

Рассуждая по-человечески, жаль, что житие отца Инспектора-Учителя так скоро прекратилось. Но, слава Богу, что мы его имели — он и за короткий срок много нам оставил, дал нам на всю нашу жизнь!

С кончиной отца Иоанна многое изменилось и как-то сразу — ужесточился режим и стал какой-то бессмысленный. Например, запретили после обеда заходить в спальни (их в девять часов утра просто запирали на замок), не рекомендовали выходить за ворота монастыря... У всех стал вопрос: куда же деваться? Начались недовольства... В эти минуты мы еще более оценили подвиг дорогого Батюшки, имя его засветилось еще ярче.

Другой светлой личностью был протоиерей Василий (то ли Воликовский, то ли Волотовский). Прекрасный проповедник, он такой же был и в жизни. Слово у него никогда не расходилось с делом. По своей доброте он никогда не ставил двоек учащимся. За это его упрекали и винули, что, мол, он своей мягкостью вредит делу.

Отец Василий оправдывался: «Уже только за то, что они пришли в Семинарию, им надо ставить тройки...» Обвинители отца Василия были не правы: он любил нас и доверял нам — и мы отвечали ему искренней любовью к нему и оправдывали доверие. Предмет его — Гомилетику — мы знали не хуже, чем другие. Доброта отца Василия была настолько велика, что перед письменным экзаменом по Гомилетике, правда незадолго, он тихонько сказал нам темы.

Известный сегодня в церковном мире протопресвитер Виталий Боровой был также одним из наших лучших учителей в Семинарии. Входил он в класс стремительно, держа в руках лишь классный журнал и указку: вел он Историю Церкви. Слушали мы его, затаив дыхание, стараясь побольше записать. Преподавал он у нас и английский язык. Задавал немного, но требовал безукоризненного выполнения заданного. Благодаря сему мы настолько изучили английский язык за два года в Семинарии, что этих знаний нам хватило и на Академию. Только потом мы узнали, что отец Виталий, преподавая нам английский язык, и сам его изучал. Отец Виталий был одновременно секретарем Семинарии и библиотекарем. В библиотеке он был один — и заведовал библиотекой, и собирал ее, и выдавал книги, и советовал, что непременно надо прочитать. Отец Виталий здравствует и по сей день продолжает активно трудиться.

Подобным отцу Виталию был Дмитрий Петрович Огицкий (недавно скончался). Преподавал Сравнительное богословие и древнегреческий язык. Все лекции по Сравнительному богословию я тщательно записал — они были весьма содержательные, но дал одному преподавателю для использования, а он мне их не возвратил... Так «зачитали» и другие мои записи. — По греческому языку Дмитрий Петрович выжимал из нас все возможное и даже невозможное. За сорок пять минут урока мы так уставали, что становились малоспособными к слушанию прочих пяти положенных на тот день по расписанию предметов. И вот сегодня я не знаю, как расценить такой метод работы!

С искренней и глубокой благодарностью я вспоминаю своих прекрасных учителей. Продолжающих достойно стоять на высоких постах служения Русской Православной Церкви: митрополита Оренбургского и Бузулукского Леонтия (Бондарь) — ныне старейшего архипастыря нашей Святой Церкви (читал Священное Писание Ветхого Завета), протоиерея Бориса Шишко — ныне преподавателя Одесской Духовной Семинарии (вел Нравственное богословие). Почивших: протоиерея Феодора Хрущевского (преподавал историю Русской Церкви), Алексея Яковлевича Яблонского (учил нас Церковному уставу), Алексея Петровича Надеждина (давал уроки по Психологии).

Некоторые из преподавателей были выпускниками и даже преподавателями (доцент А.П.Надеждин, кажется, из Казанской Духовной Академии) прежних Духовных Академий, прочие — Православного Богословского факультета Варшавского университета.

Читались также интересные лекции по бухгалтерскому делу (Свиридов — родной брат архиепископа Питирима), по агрономии (агроном), но как-то они прошли по касательной...

7. Вызов «неизвестно куда»

Это скорбное воспоминание.

Очень скоро после поступления в Семинарию стали нас одного за другим вызывать. Куда? Зачем? — Никто ничего не говорил, соблюдалось какое-то могильное молчание. Уходили по вызову рано утром, а возвращались поздним вечером. Возвращались в страшном состоянии — уставшие, измученные, как будто за один день постаревшие на несколько лет, с изменившимися лицами (казалось, что появились первые морщинки). Менялось и поведение их — как-то замыкались, уходили в себя; пропадала у них прежняя живость, шутки, даже улыбки. Что происходило — оставалось тайной. Постепенно мы стали догадываться, но от этого становилось еще страш-

нее. Тем не менее, я не помню случая, чтобы кто-то, побывав «неизвестно где», бежал из Семинарии... Меня, слава Богу, не вызывали.

Вызовами дело не ограничилось. Видимо, решено было провести более тщательный и тотальный допрос — в штатском прибыли сами к нам. Для них были отведены большие аудитории. Теперь и меня не миновала чаша. Вызывали; захожу и вижу сидящего вразвалку за столом, на котором куча бумаг. Взглянув на меня, он саркастически улыбнулся, перелистал дело, снова взглянул. Я продолжал молча стоять. Не помню точно, что он меня спрашивал. Кажется, задал самые трафаретные вопросы: кто направил в Семинарию, верую ли я, есть ли родственники за границей... Атмосфера была настолько тяжелой, что я вышел отсюда побледневший, с дрожащими ногами, хотя за мной была лишь одна так называемая «вина»: с 1941 по 1944 год я жил на оккупированной территории, и родной брат Иван был увезен на работу в Германию. Тогда и это считалось преступлением!

8. Кто может добавить

Я далеко не все рассказал о моем пребывании в Минской Духовной Семинарии, как, заранее хочу оговорить, не все смогу рассказать и о Московской Духовной Академии. Но делаю посильное для меня.

О прочем, касающемся Минской Духовной Семинарии, могли бы добавить, да и меня поправить мои лучшие друзья-одноклассники: отец Петр Латушко и отец Петр Авсиевич. Оба митрофорные протоиереи. Первый служит в г. Речица Гомельской области и епархии (это его второй приход, первый был в Лоеве той же области), второй — всю свою жизнь провел на одном приходе в селе Ковали Витебской области, а епархии Полоцкой. Кстати, следует отметить, что он много-много лет служил с белым крестом, не имея наград. И только когда прибыл в Белоруссию митрополит Филарет (Вахромеев) и узнал об этом — сразу наградил его крестом с украшениями.

II. МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Это сказ особый, так как он ближе к нашему времени. Слава Богу, есть еще в живых немало свидетелей, которые могут дополнить любую мою строку, а при нужде и исправить. За все буду только благодарить.

В сопоставлении с Минской Духовной Семинарией Московская Духовная Академия предстала, хотя и в хорошем, но несколько ином виде: там скромность — здесь торжественность, там простота — здесь величественность, там обыденность — здесь парадность, там деревня — здесь центр... Правда, при всем блеске была и здесь теплота, но какая-то иная....

1. Подготовка к вступительным экзаменам

Серьезно готовиться к поступлению в Духовную Академию начали мы (мы — значит мои одноклассники и я) с третьего класса Семинарии. Всем подававшим надежды на продолжение учебы давались и дополнительные задания. Более других преподавателей отличался в «заданиях» сам отец Ректор архимандрит Митрофан, занимавший кафедру Священного Писания Нового Завета. Он требовал от нас не только уверенного знания содержания священных новозаветных книг, но и правильного понимания и цитирования наизусть целых зачал и глав. Из них труднее всего было запомнить всю Прощальную беседу Христа Спасителя со Своими Учениками — начиная со слов: «Ныне прославися Сын Человеческий, и Бог прославися о Нем...» и кончая Первосвященнической Молитвой (Ин. 13, 31—17). Мало отставал от архим. Митрофана и преподаватель по Священному Писанию Ветхого Завета, требуя заучивания наизусть ряда псалмов и глав из пророческих книг (напр. Ис. 53 гл.). (Как оказалось, на экзаменах не потребовалось цитирование наизусть целых глав). Более того, хотя все готовившиеся к поступлению в Духовную Академию окончили Семинарию почти с отличием, всех в обязатель-

ном порядке оставили на лето при Семинарии, чтобы еще и еще раз повторили изученное и углубили свои богословские знания. И мы не потеряли попусту ни одного дня. Я оставался в Семинарии все лето. Для меня лично оно оказалось самым плодотворным. С ним я могу сравнить лишь лето 1954 года — после окончания третьего курса Академии, когда я ежедневно с раннего утра до позднего вечера в своем родном селе Комайске сидел в тени под раскидистой грушей и работал над своим курсовым сочинением (кандидатской диссертацией). О плодах этой работы может узнать всякий, открыв тридцать третий сборник «Богословских Трудов» (1997 г.), где опубликовано мое сочинение. (Очень сожалею только о том, что от сочинения отрезали обширнейшую Библиографию).

2. Приезд в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру

В Московскую Духовную Академию мы приехали вдвоем — Николай Ричко и я. Сходим с электрички, идем, и вдруг пред нами, «как могучий маяк среди житейского моря», открылась святая Лавра Преподобного и Богоносного Отца нашего Сергия, где расположена Московская Духовная Академия.

Немножко отвлекусь, но с определенной целью — подчеркнуть наше состояние в описываемые минуты. Несколько лет тому назад митрополит Волоколамский Питирим (Нечаев) после очередного заседания редколлегии «Богословских Трудов» повез членов редколлегии показать окормляемый им монастырь Преподобного Иосифа Волоцкого. Подъезжая к нему, митрополит велел всем закрыть глаза, повернуть головы налево, а затем скомандовал: «Открывайте глаза!» Мы открыли, и у всех вырвалось одновременно единое: «Ах!» Перед нашими глазами стоял, сияя в лучах солнца, красавец монастырь... Вот такое «Ах!» вырвалось и у нас с Николаем при виде святой Обители Живоначальной Троицы. Мы поставили на землю чемоданы, сняли головные уборы и осенили себя большим крестным знаменем. «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!»

С открытыми головами мы и шли до самой Академии. И было как-то странно для нас видеть в святой Обители гуляющую в шапках с праздным смехом публику. Также странным показался нам и прием нас помощником инспектора Академии, к которому нас сразу привели. Небольшого роста, кругленький, с бегающими глазами, резкой и властной речью, он насторожил нас как нечто чужеродное, холодное, не свое... Дальше все было хорошо. Нам указали место пребывания, и мы снова оказались во власти вступительных экзаменов.

Воспитанные в Семинарии нашими добрыми духовными наставниками начинать всякое благое дело молитвой, мы — Николай и я — пошли в Успенский собор св. Лавры на вечернее богослужение, а затем и на Божественную Литургию... Потом я много-много раз посещал разные храмы — в близких и дальних местах — но, кажется, ни разу не испытывал такой силы церковной молитвы, как в эти минуты перед экзаменами. А богослужение было ведь рядовое!.. Сегодня я пытаюсь понять причину сего. Конечно, я находился в особом состоянии и потому особенно усердно возносил свои мысли к Небу, но объяснение вижу в ином — место, на котором мы стоим, по которому ходим, свято, и люди, подвизающиеся здесь, получают от Бога особый дар благодати. Потому-то сюда и тянутся паломники нескончаемой вереницей... Тогда, в тот предэкзаменационный час, стоя в Успенском соборе, я молил Бога: «Господи! Если есть на то святая Твоя Воля, то оставь меня здесь навсегда!» — Господь оставил меня и оставил навсегда, ибо ныне я уже вступаю в библейский возраст...

3. Вступительные экзамены

Сдавать нужно было пять предметов за весь курс Духовной Семинарии. Устно: 1) Священное Писание Нового Завета, 2) Догматическое богословие, 3) Общую церковную историю. И два письменно: 4) Основное богословие и 5) Гомилетику (написать на предложенную экзаменатором тему проповедь).

Следует отметить, что в 1951 году, когда мы поступали в Академию, сдавала вступительные экзамены только «провинция», т.е. все приехавшие из других Семинарий. Окончившие Московскую Духовную Семинарию по первому разряду зачислялись Советом Академии и Семинарии на первый курс Академии без экзаменов. Получившие же во время обучения в Семинарии хотя бы одну тройку «москвичи» обязаны были не только пересдать ее, но и сдавать вступительные экзамены вместе с «провинцией». Мне думается, что последнее было поспешным решением Совета Академии, ибо все сдававшие «москвичи» имели единственную тройку по Церковнославянскому языку. А членам Совета хорошо было известно, что преподаватель сего языка Анатолий Васильевич Ушков (1894—1972) четверки ставил редко, заявляя, что на четверку знает преподаватель, а на пятерку один Бог. И действительно, в числе абитуриентов оказались лучшие выпускники Московской Семинарии. Это: священник Матфей Стаднюк (ныне протопресвитер, секретарь Святейшего Патриарха Алексия II; был он секретарем и у Святейшего Патриарха Пимена), Константин Михайлович Комаров (ныне профессор Московских Духовных Школ), Владимир Тимков (ныне протоиерей, возможно — митрофорный, настоятель одного из Московских храмов) и др.

В 1952 году Совет Московской Духовной Академии принял новое решение — отменил для всех вступительные экзамены в Академию. Зачислять стали по рекомендации Совета той или иной Семинарии. Конечно, больше всего принимали из Московской Семинарии.

Перед сдачей вступительных экзаменов проводилась беседа у одного из опытных педагогов — Инспектора и профессора Академии Николая Петровича Доктусова со всеми приехавшими. Не помню содержание беседы, но поставленный мне вопрос помню. «Какие предметы будете сдавать?» — неожиданно спросил он меня. Я настолько смутился, что четыре предмета назвал, а пятый забыл. Николай Петрович несколько секунд помолчал, затем улыб-

нулся (как-то приятно, по-хорошему) и велел позвать следующего.

Но в еще больший трепет привела меня встреча с отцом Матфеем Стадником, который также, как и я, ходил по академическому садику и размышлял над предстоящими и ему экзаменами. Увидев, что я не отрываюсь от книги, он решил меня еще и припугнуть. Цель им была достигнута... Этот «экзаменационный эпизод» — и только этот — я вскоре записал. Но, к сожалению, у меня эта запись не сохранилась. Один экземпляр я отдал отцу Алексею Остапову для издаваемого им («тиражом» в четыре экземпляра) дважды в году — к Рождеству Христову и св. Пасхе — домашнего журнала. Экземпляр этого журнала регулярно преподносился Святейшему Патриарху Алексею I в ночи Рождественскую и Пасхальную после богослужения. В этих журналах отражалась, насколько это было позволено, текущая церковная жизнь. Вот сюда и попало мое описание встречи с отцом Матфеем. Со смертью отца Алексея погибла и его богатейшая библиотека. Может быть, у отца Матфея сохранилось это описание? Я, кажется, давал ему экземпляр. Вторично описывать боюсь, т.к. сегодня только помню, что была такая трепетная встреча, что отец Матфей великолепно сыграл роль имеющего власть представителя Академии, в руках которого якобы все поступающие. Помню, что при этой встрече я пришел к выводу: чтобы подготовиться для поступления в Академию — одного лета мало!

Как я сдавал Священное Писание Нового Завета и Догматическое богословие — забыл. Немного помню письменные экзамены и экзамен по Общей церковной истории.

Письменные экзамены проводились в аудитории чертогов — в первой от вестибюля. На доске написали темы и распределили по рядам. Мне досталась тема по Основному богословию: «Внутренние и внешние признаки Божественного Откровения» (см.: К.Скурат. Сборник статей за 1989—1993 гг. Том XV. МДА, 1993. С. 239—248). Раскрыл тему я быстро и легко. Несколько труднее было

написать проповедь, но и здесь все справились... По Общей церковной истории запомнился экзамен потому, что принимали его два светлейших человека — отец Димитрий Боголюбов (1869—1953) и Николай Иванович Муравьев. Первый — почтенный старец, митрофорный протоиерей, известный в прошлом миссионер и профессор, второй — глубокий историк, ученый Секретарь Академии. Принимали они экзамен спокойно, не торопясь, ставя один вопрос за другим и ожидая полных ответов. В результате я получил оценку пять с плюсом. Второй раз я получил такую необычную отметку уже в Академии на экзамене по Догматическому богословию от Святейшего Патриарха Алексия I.

Бытовые условия, в которых мы жили во время сдачи вступительных экзаменов (они длились почти две недели с первого сентября), были довольно трудные. Хуже всего было то, что мы сами должны были заботиться о еде. В Академии к нашим услугам стоял лишь титан с кипятком. У меня же было только сало из дома и сухари. Вот этим салом, сухарями да кипятком я и поддерживал свои силы. Денег у меня не было. Недоедание, экзаменационное напряжение закончились тем, что у меня заболел желудок (сначала гипоацидный гастрит, а затем анацидный) на всю жизнь. Но, слава Богу, экзамены я сдал, кажется, первым по разрядному списку (впрочем, пусть сегодняшней ученый Секретарь проф. архим. Платон Игумнов проверит и, если не так, исправит), и жив до сего дня. Более того, по милости Божией, ни разу с желудочной болезнью не лежал в больнице. А саму болезнь воспринимаю как посещение Божие для смирения.

Так как я уж начал говорить о бытовых условиях, то думаю, надо о них продолжить.

4. Бытовые условия при учебе

Спальни наши располагались на первом этаже чертогов; с южной стороны, как более обособленные (система строений чертогов анфиладная), — для студентов Академии, с северной — для воспитанников Семинарии. В

каждом зале помещалось около 25 кроватей. Много! Но везде было чистенько, сухо, светло. А, главное, — тишина и мир — никаких неприятностей в отношениях друг с другом и, тем более, ссор. Живя общиной, более сближались с коллегами — не только с однокурсниками, привыкали уступать один другому, помогать, делиться и радостями, и горестями. Помню, вместе с нами в спальне был Саша Кравченко (потом Ректор Одесской Духовной Семинарии, а ныне протоиерей одного из храмов Одессы). Он шел одним курсом ниже нас. Так вот, он часто получал из дому посылочки с продуктами, но никогда в одиночку их не ел, всегда делился со всеми в спальне, а иногда и за ее пределами. Обычно дележ происходил после 23 часов. Все укладывались в кровати, предварительно освободив верх тумбочки (они стояли у всех кроватей) для гостинцев. Саша брал большой поднос, выкладывал на него полученное из Одессы, на краю подноса прикреплял свечку для освещения (ведь свет в 23 часа выключался) и с помощником разносил по рядам кроватей. Каждый брал, сколько хотел и что хотел. Конечно, с точки зрения инспекции это было нарушением режима, но 23 часа — единственное время, когда мы все собирались вместе. Сашу, ныне отца Александра, мы называли нашим благодетелем.

Столовая находилась там, где ныне семинарская (восточная сторона). Длинные столы тянулись шеренгами. За каждым столом усаживалось по 8 человек. С левой стороны — от кухни к дверям выхода — сидели студенты в порядке старшинства, с правой — в таком же порядке воспитанники. И обслуживали тоже строго по старшинству: первыми получали выпускники, а затем — младшие.

Питание было хорошее. Во все посты, естественно, постное...

5. Богослужение и проповедь

Храма у нас своего не было, т.к. академический храм был превращен во дворец культуры. Вернули нам его только в 1955 году (освящен 21 мая 1955 года Святейшим

Патриархом Алексием I), когда возвратили и четырехэтажный учебный корпус (до этого в нем действовал Учительский институт). Поэтому накануне всех воскресных и праздничных дней всенощное бдение академическая семья совершала в чертогах — нынешнем Малом актовом зале. Там же совершались и прочие богослужения (напр., в Великом посту), кроме Божественной Литургии. Как бы алтарной частью служило то место, где ныне стоят столы президиума. Устав соблюдался применительно к приходским богослужениям. Пел один хор.

Здесь же за каждым богослужением произносилась в порядке чреды проповедь. Слушали мы ее очень внимательно при идеальной тишине — как будто никто и не дышал. В конце любили громогласно воскликнуть: «Спаси, Господи!». Но, к сожалению, воспринималась она нередко как что-то учебное. Мы следили за тем, как проповедник подошел к аналою (не спешил ли), как осенил себя крестным знамением (короткий ли верхний конец креста и умеренно ли длинный нижний, ровная ли горизонтально перекладина, наклонил ли голову только после осенения себя крестным знамением, «не размахнулся» ли «колесом», четко ли произнес слова: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»...), как часто заглядывает в лежащую перед ним на аналое тетрадку с текстом проповеди; следили и за планом развития темы: как проповедник «вводит» в тему, понятно ли и убедительно ли раскрывает ее, чем заканчивает, даже как уходит от аналоя — соблюдает ли подобающую степень... Все это, несомненно, нужно было и для нас, и для проповедника. Но увы! Форма подчас закрывала главное — усвоение сердцем наставления, забывалось то, для чего, собственно, и произносится проповедь. Конечно, были и такие проповеди, которые действовали не только на наш разум, но доходили и до глубин души, но я не помню, чтобы кто-нибудь был ими настолько растроган, чтобы прослезился. А вот сам проповедник частенько говорил дрожащим голосом и от волнения «задышался», готов был остановиться... А мы смотрели и слушали, и если пережи-

вали, то «за» проповедника. Больше мы волновались тогда, когда он выходил без тетрадки и вдруг останавливался...

(Впрочем, дорогой читатель, прошу не забывать, что я вспоминаю обо всем спустя более 40 лет после описываемых событий. А всем хорошо известно, что позднейшее может отразиться и на далеком прошлом).

Хотя богослужения совершались молитвенно, чинно, но само место нам не нравилось. И потому студенты скоро дали ему и свое название — «сушило». Вероятно, здесь и надо искать объяснение «сухости» восприятия проповеди. Актный зал (тогда он не назывался Малым, ибо другого — Большого — не было) считался одной из самых больших аудиторий и все, происходящее в нем, сближалось с учебной программой.

К нашей общей радости Божественную Литургию Академия с Семинарией совершали в Лаврских храмах — зимой в Трапезном, а летом в Успенском. Рано утром все выстраивались в шеренгу перед чертогами и во главе с отцом Ректором протоиереем Константином Ружицким и Инспектором проф. Н.П. Доктусовым направлялись к ранней Литургии. Шествие это всегда проходило в каком-то духовном подъеме, тем паче, что всегда с нами были Ректор и Инспектор. Вообще надо подчеркнуть, что администрация Академии стояла очень близко к студенчеству, и от близости выигрывали все — и сами администраторы, и, конечно, студенты. Разумеется, субординация не забывалась, определенная дистанция соблюдалась, но в той мере, насколько это необходимо было для возрастания уважения одних к другим, укрепления доверия, утверждения духа великой православной семьи.

На дни седмичные мы все были распределены в «десятки» для исполнения чреды участия в богослужении. В вечернее время нам предоставлялся левый клирос (на правом пела братия св. Обители), а ранним утром Божественная Литургия совершалась только учащимися. Иноки Лавры отпраздновали позднюю Литургию. С первого же курса Академии я был назначен начальством Академии устав-

щиком в десятке — сказались добрые уроки по Уставу в Минской Семинарии А.Я. Яблонского. Регентом был определен Н.Н. Ричко — снова мы оказались рядышком. Иногда Н. Ричко доверял и мне управление десяткой. Для меня это была большая радость, потому и отмечаю ее... Трудность была здесь в том, что надо было очень рано вставать — не проспять. Будильников не было, и, бывало, всю ночь просыпаешься, а к утру засыпаешь богатырским сном, вскакиваешь, а до начала осталось 5—7 минут. Лихорадочно набрасываешь на себя одежды и бежишь. Чтобы избежать сего, мы накануне договаривались: кто первый проснется — будит всех. Но, бывало, и пропускали кого-нибудь... До сих пор, если я во сне вижу «кошмары», то они, как правило, соединяются с опозданием к богослужению, совершаемому десяткой...

6. Духовная жизнь

Богослужение и проповедь и есть уже основная и, я бы сказал, существеннейшая сторона духовной жизни. Но к сему еще присоединялось весьма и весьма важное — исповедь и принятие Святых Христовых Таин (это тоже относится и к богослужению!). Так как исповедь — тайная, то и я не буду продолжать об этом свое слово, скажу только, что проводилась она неспешно, внимательно, индивидуально. Она действительно стряхивала с нас житейскую пыль, подымала на новую ступеньку к Небу... Готовились мы к Святому Причащению достойно, как к принятию Великого Гостя и соединению с Ним. В Рождественские, Пасхальные и летние каникулы мы причащались в своих приходских храмах — дома, ибо на каникулы нас оставляли при Академии неохотно. Всячески поощряли наш каникулярный отъезд, вплоть до того, что за все дни отсутствия выплачивали нам деньги, которые отпускались на наше питание. Справок как документов, подтверждающих наше участие в исповеди в вакационное время, от нас не требовали. Лишь позднее администрация внесла особое распоряжение и стала требовать, и даже строго, предъ-

явления справок. Не знаю, чем это было вызвано, но, во всяком случае, оно свидетельствовало не о лучшем в нашем духовном становлении.

Огромное, неизмеримое духовное влияние оказывала на нас Святая Лавра. Каждый день начинался с Троицкого собора, где почивают святые мощи Преподобного и Богоносного Отца нашего Сергия. Мы ежедневно спешили сюда, чтобы непременно до общей утренней студенческой молитвы и завтрака приложиться к святым мощам... Придешь в собор, станешь в общую очередь и помаленьку продвигаешься к святой раке, а этим временем мысленно поминаешь своих родных, близких о здравии, а почивших — об упокоении, просишь у Преподобного предстательства у Престола Божия на предстоящий день... Да и мало ли чего мы просим у Преподобного?!.. Если же случалось из-за опоздания «прорываться» без очереди, то чувствовалась какая-то неудовлетворенность. Не значит ли это, что на «бегущих», отодвигающих общую очередь, Преподобный не поднимает своей благословляющей десницы?!.. То, что сложилось в студенческие годы, осталось для меня свято на всю жизнь. И сегодня, приехав в Московскую Духовную Академию, я иду прежде всего к святым мощам нашего Небесного Предстателя... Да, время студенческого общежития имеет очень большое значение — его ничем невозможно заменить: никаким экстернатом, филиалом, заочным сектором...

Размышляя о великом духовном влиянии на нас Лавры, я готов видеть особое действие Промысла даже в том, что Академия поначалу не имела своего храма и пребывала в святых храмах Обители. Для того времени это имело значение... Да не допустит кто-либо такой мысли, что я, якобы, недооцениваю важность того, что Академия имеет свой храм. Я помню, как все мы радовались, когда узнали, что наш Покровский храм нам возвращен. Мы почувствовали своими сердцами, что Божия Матерь, никогда не уходившая от нас, ныне простирает над всеми нами Свой широкий омофор. Еще более свежа память об освящении

(18 февраля 1994 года) также возвращенного Семинарии ее храма во имя Преподобного Иоанна Лествичника. Никогда не забыть чтения коленопреклоненной молитвы при освящении храма Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, когда вся учащаяся братия — и духовенство, и миряне — пали на колени и низко склонили свои головы — невольно слеза появилась на глазах, и не у одного меня. Мне вдруг представилась русская рать, испрашивающая благословение Преподобного Отца на решающую судьбу Святой Руси Куликовскую битву. И здесь, в храме другого Преподобного, стояла на коленях духовная рать Русской Православной Церкви, которая уже сегодня мужественно ведет борьбу с апокалиптическим злом, гигантскими шагами — эсхатологически, вторгающимся в жизнь наших народов...

Так вот, когда мы не имели своего храма, все мы постоянно были в святой Лавре, у ее святынь, в собственном смысле этого слова. Наше молитвенное соприсутствие было более осязаемым, более зримым. Мы всегда видели Лаврских Старцев, их благоговение к храму, их спокойствие, степенность, их глаза, обращенные к Небу, мы слышали их голоса, дерзновенно призывающие действие благодати Божией. Вероятно, тогда и утвердилось название, которое мы любим повторять и сейчас, — «Академия — это большая келья в Святой Лавре Преподобного Сергия».

Доброе слово исходило и от наших преподавателей. Но больше воспитывало нас не слово их, а пример, их жизнь, их уважительное отношение друг к другу и к нам. Среди них царил подлинная христианская любовь: не было группировок на «монашеских», «пиджачников» и тому подобных, не было того, чтобы говорилось одно, а делалось другое, не предлагалось чего-нибудь так, чтобы тут же забыть обещанное... Все это мы видели, а если не видели, так чувствовали. И все это действовало на нас незаметно, но очень сильно... Мы, педагоги, часто (ой, как часто!) недооцениваем чуткость студентов ко всему происходящему в нашей жизни.

Духовно растили нас, пожалуй, все преподаватели, и делали это как-то незаметно, строим своей жизни и строим жизни всей Духовной Школы. Назойливой морали, как и в Минской Духовной Семинарии, не было.

В студенческой среде все хорошо знали друг друга, были внимательны друг к другу, спешили на помощь и таким образом тоже незаметно, но неуклонно духовно возрастали.

Поистине, это была (любимое нами и сегодня свидетельство) «Академическая семья».

8. Лекции. Профессора

Лекции в мое студенческое время (1951—1955) читались профессорами, в основном, по имеющимся — ими написанным или составленным — конспектам. Эти конспекты сохраняются в академической библиотеке, и всякий интересующийся может ознакомиться с ними. Студенты до сих пор используют их в качестве пособий при подготовке к экзаменам.

Во время моего обучения в Московской Духовной Академии здесь трудилась целая плеяда профессоров — выпускников прежних (до 1917 года) трех Духовных Академий: Московской, Киевской и Казанской. «Мы благодарим Бога, — говорил как-то в нашей Академии Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, — за то, что Он сохранил преемственность возрожденных Академий с прежними... Еще бы несколько лет — и эта преемственность пресеклась бы». Встречи с этими представителями «старой школы» были для нас весьма и весьма полезны. От этих старцев, прошедших чрез многолетние испытания жизни, но свято сохранивших святую православную веру, веяло особым миром и особой благодатью. Одно присутствие их, один вид их оказывали на всех нас благотворное влияние.

Из профессоров прежде всего встает в памяти Ректор Академии доктор богословия (докторскую степень получил по указу Святейшего Патриарха Алексия I к 150-летию

Академии за месяц до своей кончины), выпускник прежней Московской Духовной Академии митрофорный протоиерей Константин Ружицкий (1888—1964). Читал он на старших курсах Академии Нравственное богословие. Конспект, который нам рекомендовался к сдаче экзамена, не производил на нас впечатления. Но лекции читал отец Ректор интересно, абсолютно не придерживаясь и не следуя конспекту. В основном, он исходил из своей многолетней пастырской практики — приводил поучительные примеры, неординарные случаи, много цитировал творений святых отцов... Конечно, все это делалось применительно к Нравственному богословию. Побуждал также и нас в порядке очереди делать во время лекции рефераты по тем или иным вопросам морали. Как правило, делалось это на основании святоотеческих творений. Хотя конспект отца Константина был довольно отвлеченный по своему содержанию, но сам он не любил излагать мысли абстрактно, как не любил и «мудрования» при чтении нами наших рефератов.

Одно печальное событие в семье отца Константина раскрыло перед нами новую добрую черту в его характере — большую любовь к своей семье, к детям. В расцвете лет умерла его дочь. Отец Константин, который так недавно спешил каждого укрепить, ободрить, утешить, был своим горем просто сражен — плакал как дитя, только без вопля. Он приходил к нам на лекцию, прочитывал два - три предложения, останавливался и долго молчал. На глазах были слезы, катились они и по щекам. Мы тоже молчали и вместе с ним скорбели, сидели неподвижно, никто ничем не занимался. Пытался продолжить лекцию, но как только начинал ее — снова появлялись слезы...

В день своих именин (3 июня по н.с., 21 мая по с.с.) отец Константин надевал все полученные им ордена и шел в Актовый зал, где его уже ожидала вся Академическая семья для поздравления. Проходило оно и торжественно, и семейно. После поздравления все преподаватели приглашались на трапезу, которая устраивалась в квартире Рек-

тора. Было тесновато, но уютно, тепло, непринужденно. Здесь уже шло персональное поздравление. Говорилось много хороших искренних слов... День этот очень и очень всех нас сближал, как-то роднил, бодрил. Я особенно воспринимал его с радостью, потому что это день и моего Ангела.

По кафедре отца Ректора я писал свое курсовое сочинение, за которое присваивалась ученая степень кандидата богословия. Полагалось в процессе работы показать руководителю небольшую часть черновика. Я отнес отцу Константину заключение к работе. Через несколько дней он вернул мне его все исчерканное. Я приуныл и не знал, как поступить, что делать с заключением, а значит — и с главами сочинения. Но хорошо изучившие характер отца Ректора (я уже отмечал чуткость студентов — они больше знают, чем нам представляется) посоветовали мне поступить следующим образом: очевидные ошибки исправить, все остальное оставить без изменений. Поначалу такой совет меня смутил, и я не решался так делать, но, посмотрев еще и еще раз на исчерканный текст и ободряемый советчиками, дерзнул. Результат был точно такой, как мне предсказали советчики — студенты. «Вот теперь хорошо», — сказал отец Ректор... В своем отзыве на мое курсовое сочинение отец Константин поставил по тому времени самый высокий балл — пять с минусом (чистая пятерка ставилась очень редко. Заметьте, тогда курсовые сочинения оценивались баллом).

Господь удостоил меня побывать возле могилы отца Константина. Похоронен он в Киеве. Рядом с ним могила матушки Марии и дочери Натальи. Вот запомнились же их имена на всю жизнь, хотя постоянно поминаю в своих молитвах лишь протоиерея Константина. Вечная память и его родным, дорогим спутникам в его славном земном труде!

На втором месте я ставлю профессора протоиерея доктора богословия, выпускника Казанской Духовной Академии Александра Ветелева (1892—1976), ибо он оказывал на нас огромное духовное влияние. Читал он Патрологию и Гомилетику, но никогда не следовал кон-

спекту. По аудитории он ходил, держа в руках мел. Периодически подходил к доске и с помощью изображения мелом чертежей наглядно раскрывал что-либо таинственное. Помню, что он каким-то образом (не помню только каким) изображал мелом на доске даже душу человеческую. Цели он достигал — мы легко усваивали материал и твердо запоминали. Ходя по аудитории, он имел обыкновение подойти к кому-нибудь и погладить его по голове или похлопать по плечу, спине. А так как обе руки у него были в мелу, то на том месте, к которому он прикасался, оставались следы его руки. Бывало, что на спине после его прикосновения четко печатались все пять пальцев. Поэтому когда он приближался к кому-либо, тот старался наклонить голову как можно ниже, чтобы избежать прикосновения. Это вызывало у нас смех, смеялся и сам отец Александр. Чаще других «удостаивался» «поглаживаний» отца Александра Исупов Серафим (ныне митрофорный протоиерей в г. Вятка), потому что он сидел рядом с кафедрой профессора.

Содержание лекций отца Александра, всегда проходивших очень живо, память, к сожалению, не сохранила. Но твердо осталось в памяти иное, не менее ценное: «Памятование церковного дня» (так отец Александр называл, а, следовательно, и мы). Начали творить это «Памятование» и проводили его по инициативе и под руководством отца Александра. Состояло оно в следующем. В самом начале лекции один из студентов по желанию — не по «приказу» — (чаще всех был им Исупов Серафим) брал святое Евангелие, книгу «Апостол», житие дневного святого и Минею текущего месяца. Открывая священные книги, он излагал содержание дневного чтения святого Евангелия и Деяний Апостольских (или Посланий святых Апостолов), давал краткий комментарий и делал нравственный вывод. Затем представлялось житие дневного святого. Если в «Четьих-Минях» имелось под одним числом несколько житий разных святых, то выбиралось более поучительное. Иногда сообщалось обо всех святых, но тогда эти сооб-

щения были предельно краткие. Завершалось «Памятование» чтением отдельных стихир и тропарей из Минеи. Подчас этим чтением сопровождалось житийное повествование. Все взятое вместе связывалось в единое целое, что вызывало у всех особый интерес.

Отец Александр в течение всего сообщения стоял рядом с докладчиком, дополнял сказанное, помогал докладчику делать комментарии, выводы и особенно представлять весь материал как соединенное святой Церковью нерасторжимое наставление или единое молитвенное обращение к Небу.

Поначалу «Памятование церковного дня» воспринималось как дополнительная нагрузка, не вписывающаяся в учебную программу, но мало-помалу, постепенно, оно вошло в летопись нашей жизни как светлые ее страницы. Почему? — Потому, что оно, духовно настраивая и воспитывая, вводило нас в атмосферу молитвы, в литургическое богословие, понуждало постоянно жить в Церкви воинствующей — земной вместе с Церковью Торжествующей — Небесной. А ведь это и есть одно из главных призваний духовной школы!

Подобное «Памятование» отец Александр пытался ввести и на других курсах Духовной Академии. Но с уходом его в мир иной — мир Вечности — все прекратилось. А жаль!..

Вечная память дорогому учителю, глубоко церковному пастырю, крепко, неразрывно соединявшему со Святой Церковью и своих студентов!

Инспектор Академии магистр богословия профессор Николай Петрович Доктусов (1883—1959) читал Священное Писание. Читал по конспекту, но часто отвлекался — широкие знания не позволяли ему сосредоточиться на какой-либо узкой теме, увлекали его в области самые неожиданные для нас. У нас сложилось мнение, что профессор А.П. Доктусов знает все, что возможно знать человеку, и мы называли его «ходячей энциклопедией». В любое рабочее время можно было кому угодно к нему обратиться

с вопросом с полной уверенностью, что будет получен обоснованный ответ. Я к нему неоднократно обращался с вопросами, а однажды с просьбой — посмотреть план для моего курсового сочинения. Николай Петрович почесал указательным пальцем свой подбородок (такая была у него привычка) и текст плана взял. На следующее утро он вернул мне его без единой поправки, дав очень хорошую оценку. Это меня ободрило, вселило надежду на успешное выполнение работы. Случилось так, что он оказался потом вторым рецензентом моего сочинения (поставил балл четыре с половиной — тогда ставили и половинки). Это был интеллигентнейший человек, высочайшей духовной культуры. Своего собеседника он не упрекал и не ставил в неловкое положение даже самыми, казалось бы, невинными словами, вроде: вы не правы, вы не убедительно говорите, вы не разобрались в деле... Все это он обнаруживал, но деликатно, уважительно, спокойно — и этим вызывал у собеседника еще больше симпатий к себе. В этой части Инспектор Московской Академии напоминал мне Инспектора Минской Семинарии. Замечания некомпетентные, недоброжелательные, лицемерные Николай Петрович аккуратно, но настойчиво отклонял. К предложениям же добрым, разумным прислушивался и следовал им. Так было, например, в первый год моей преподавательской работы (1955/56 учебный год). Я и другие молодые преподаватели сразу же встретились с проблемой оценки письменных работ: одни подходили очень строго, другие очень мягко. И тогда инспектор созвал всю «молодежь» на совет. Выслушав все предложения, он обобщил их и вместе с нами — в полном согласии — было выработано единое решение, которое потом применялось и прочими преподавателями (для каждой оценки-отметки было указано допустимое количество ошибок).

Ежедневно Инспектор (иногда с отцом Ректором) приходил во время обеда в студенческую столовую... Ходит с палочкой вдоль столов и посматривает по сторонам... После обеда его сразу окружали студенты и долго не выпускали.

Собственно, он и приходил в столовую для непринужденных ежедневных встреч и бесед с учащимися. Нам, естественно, это было известно, и мы к обеду запасались вопросами, а вернее, свои вопросы откладывали до обеда. А вечером можно было частенько видеть, как в Академическом садике вместе гуляют два старца — отец Ректор и Инспектор.

Жил Н.П. Доктусов очень скромно. В Академии у него была маленькая комнатка за стеной квартиры отца Ректора (у Ректора было две небольших комнаты над теперешней столовой). Комнатка эта напоминала собой скромную келью смиреннейшего инока (я был в ней несколько раз). А ведь с ним проживала и старушка супруга!

Второй «ходячей энциклопедией» в Академии был Иван Николаевич Хибарин (1892—1977) (в сороковые годы он был заместителем редактора Большой Советской Энциклопедии). Преподавал он английский язык и хотя знал его в совершенстве, но нам, практически, ничего не давал, потому что в его преподавании не было даже подобия какой-то системы. То, что задавал, никогда не спрашивал. А спрашивал то, что придет в голову. Обычным «ответчиком» всегда был дежурный, подносивший к кафедре журнал с фамилиями отсутствующих на занятиях, не взирая на то, что дежурный мог быть один и тот же. Но для нас Иван Николаевич остался почитаемым за свои энциклопедические знания. Малейший какой-нибудь повод перед началом лекции служил дверью, открывающей перед нами богатейшие сокровища знаний. О чем только он нам не рассказывал: о разных странах, народах, обычаях, святителях, подвижниках, вообще о деятелях разных религий, писателях, поэтах, ученых, выходил и за пределы Земли, унося нашу мысль в межпланетное пространство... Слушали мы с большим интересом. Жаль, что никто не записывал этих сообщений... А ведь его имени нет даже на общем памятнике почившим преподавателям в нашем Академическом садике!.. Как легко мы, пока что живые, забываем и малое, и великое!

Профессор Николай Иванович Муравьев (1891—1965) преподавал Историю Древней Церкви. Читал спокойно, спрашивал строго. Во время занятий обычным был такой диалог профессора со студентом: «Вы читали? — Читал, Николай Иванович, читал. — А нужно не читать, а учить» — и ставил двойку, которую исправить было нелегко.

Профессор Алексей Иванович Георгиевский (1904—1984) читал Литургику. Конспекту он строго не следовал, но все-таки придерживался или его, или своих дополнительных записей. Читал живо, всем ставил хорошие отметки. Троек по его предмету не было. Мы называли его «Радость моя», потому что это были его любимые слова, которые он часто повторял, добавляя еще к ним: «Целую вас».

Профессор Иван Никитич Шабатин (1898—1972) занимал кафедру по Истории Русской Церкви. К сожалению, он постоянно отвлекался к тематике для нас не нужной. Мы его ценили не как преподавателя, а как писателя — церковного историка. В «ЖМП» появлялись написанные им статьи, прикрытые псевдонимом «Никита Волнянский». Даже супруга его не знала, что за этим именем стоит ее муж. Обнаружила она это случайно, когда в память о нем была устроена в вестибюле чертогов выставка, где представлялись и труды Профессора.

Профессор Владимир Семенович Вертоградов (1888—1964) читал Священное Писание Ветхого Завета. Читал по конспекту, медленно, громко. За ним можно было все записать. Вскоре ушел на пенсию, т.к. катастрофически падало у него зрение. О кончине его стало известно только после похорон.

Доцент Михаил Николаевич Виноградов (1887—1956) преподавал Историю русского раскола. На лекциях много внимания уделял литературному старообрядческому памятнику «Житию» протопопа Аввакума. Читал он это «Житие» артистически. Делая нужные акценты на соответствующих словах, да еще поглядывая на аудиторию

из-под очков, он вызывал общий дружный смех. Человек он был очень добрый, доступный... Иногда в Лавру приезжает его дочь Галина Михайловна. Она могла бы рассказать о своем отце все, что интересует Академию.

Выходящим из ряда преподавателей своеобразной самобытностью можно считать профессора Владимира Ивановича Тальзина (1904—1967). Своеобразие его состояло в том, что он читал лекции по Церковному праву слово в слово по конспекту — поначалу мы специально проверяли, потом перестали. Но что удивительно — читал наизусть! На кафедре у него не было никаких записей. Если мы его останавливали вопросом, он отвечал и снова продолжал, не опуская ни единого штриха из имевшегося у нас и написанного им учебного пособия. Память у него была феноменальная.

Низко кланяюсь и другим моим учителям:

профессору протоиерею Сергию Савинскому (1877—1954) — читал Догматическое богословие;

профессору Николаю Михайловичу Лебедеву (1879—1967) — преподавал древнелатинский язык;

профессору Василию Дмитриевичу Сарычеву (1904—1980) — раскрывал вопросы веры по Основному богословию;

ныне здравствующему Митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму (тогда священник Константин Нечаев) — читал Историю западных исповеданий.

Вспоминаю и низко кланяюсь моим сослуживцам:

доктору богословия, моему предшественнику по кафедре Патрологии и официальному оппоненту на магистерскую диссертацию профессору Михаилу Агафангеловичу Старокадомскому (1889—1973);

профессору протоиерею старцу, прибывшему к нам из Ленинградской (ныне Петербургской) Духовной Академии, Иоанну Козлову (1887—1971) — строгому к себе и очень-очень доброму к другим (всегда вспоминаю: подхожу к нему взять благословение перед защитой магистерской диссертации — отец Иоанн благословил широким крестом

и громко сказал: «Мой голос — за!» Это было незадолго до его блаженной кончины);

профессору протоиерею магистру богословия Алексею Остапову (1930—1975) и доценту, уже упоминавшемуся выше, Николаю Николаевичу Ричко (1924—1972) — моим добрейшим однокурсникам;

профессору игумену магистру богословия Марку Лозинскому (1939—1973) — моему ученику и второму официальному оппоненту на мой магистерский труд;

доценту схииерарху магистру богословия Иоанну Маслову (1932—1991) — также моему ученику, официальному оппоненту на мою докторскую диссертацию, духоносному старцу и плодовитейшему церковному писателю.

Все они — светлые лица. О них, как и обо всех прочих, надо вести специальную речь — обстоятельно, вдумчиво, аналитически. Надеюсь, что найдутся желающие и скажут свое слово. Бог им в помощь!

8. Вызов «неизвестно и известно куда»

К сожалению, и в Московской Духовной Академии было нечто подобное с «вызовами», как и в Минской Духовной Семинарии, но проводилось оно более профессионально: вызывали, якобы, в военкомат по делам призыва в Армию, а там и определяли «способности» человека. О цели этих вызовов сегодня — в свободной России — знают все. О них говорят сами пострадавшие.

Меня, слава Богу, и здесь не вызывали во время учебы. А потом? — Потом да, вызывали, но я решительно отказался от всего, что мне предлагали, и не убоялся угроз. Верю, что устоял я по действию молитв моих близких — по милости Божией. Слава Богу! Гордиться и хвалиться здесь нечем — стоять твердо в Святом Православии — это обязанность, долг, это наше призвание. Устоял — благодари Бога, не устоял — значит, не выдержал искушения, страха времени, а это грех падения — кайся, исправляйся и не твори ничего даже подобного.

9. Вместо заключения

В моих воспоминаниях, написанных в один присест, отражена лишь частичка бывшего. Вспоминать надо постепенно и, вспоминая, тут же записывать. А лучше вести дневник!

Об Академии могли бы не меньше сказать мои однокурсники: протопресвитер Матфей Стаднюк (о нем говорилось выше); протоиерей Серафим Исупов (место служения я уже указал), которого еще во время учебы мы называли «совестью курса»; профессор Константин Михайлович Комаров — ему только что исполнилось 70 лет, с чем от души поздравляю его; Виктор Чумаченко, которого мы всегда видим в святой Лавре — он всегда сидит в своей инвалидной колясочке, все видит, всех знает и знает все новости, ибо к его доброте (хочется сказать — святости) текут люди и несут ему вести со всех сторон. Мог бы многое поведать и Марк Харитонович Трофимчук, наш сегодняшний преподаватель. Он шел одним курсом выше меня... В крайнем случае, могли бы прочитать эти мои записи, внести в них поправки, сделать добавления, высказать свои пожелания...

Благодарю Бога за то, что Он внушил нашему нынешнему Ректору Московских духовных школ Епископу Евгению дать мне послушание на лето — благословение писать воспоминания. Я почувствовал свою обязанность все отодвинуть и возможное на сегодняшний день сделать. Правда, как оказалось, воспоминания писать нелегко — оживают светлые картины прошлого, умчавшегося в вечность, вспоминаются дорогие любимые лица, с которыми много-много связано хорошего и которых здесь уже давно нет — все это навеивает грусть, нагоняет тоску, что-то тяжелое начинает подступать к груди, и перо как-то замедляет свой бег, а затем и останавливается...

Да хранит Вас Господь, дорогой Владыка, и помогает Вам быть всегда не только мудрым, но и доб-

рым, какими были мои наставники! На смену всем нам придут другие люди — пусть же и они будут только достойными!

Божия Матерь! Простри Свой Вечный Покров над Альма Матэр!

29 июля 1998 года